

Женá называла его — «Чудик». Иногда ласково. Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал¹ в какие-нибудь истории — мелкие, впрочем, но досадные.

— Вот эпизод одной его поездки.

Получил отпуск, решил съездить к брату на Урал: лет двенадцать не виделся.

— А где блесна² такая... на (подвил) битюря?! — орал Чудик из кладовой.

— Я откуда знаю.

— Да вот же ж все тут лежали! — Чудик пытался строго смотреть круглыми иссиня-белыми глазами. — Все тут, а этой, видите ли, нету.

— На битюря похожая?

— Ну. Щучья.

— Я её, видно, зажарила по ошибке.

Чудик некоторое время молчал.

— Ну и как?

— Что?

— Вкусная? Ха-ха-ха!.. — Он совсем не умел острить, но ему ужасно хотелось.

— Зубки целые? Она ж дюралевая!..

...Долго собирались — до полуночи.

А рано утром Чудик шагал с чемоданом по селу.

— На Урал! На Урал! — отвечал он на вопрос: куда это он собрался? При этом круглое мясистое лицо его, круглые глаза выражали в высшей степени плёвое отношение³ к дальним дорогам — они его не пугали. — На Урал! Надо прошвырнуться.⁴

Но до Урала было ещё далеко.

Пока что он благополучно доехал до районного города, где предстояло взять билет и сесть в поезд.

Времени оставалось много. Чудик решил пока купить подарков племянсам⁵ — конфет, пряников... Зашёл в продовольственный магазин, пристроился в очередь. Впереди него стоял мужчина в шляпе, а впереди шляпы — полная женщина с крашеными губами.

Чудик уважал городских людей. Не всех. правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побойвался.

Подошла его очередь. Он купил конфет, пряников, три плитки шоколада. И отошёл в сторонку, чтобы уложить всё в чемодан. Раскрыл чемодан на полу, стал укладывать... Глянул на пол, а у прилавка, где очередь, лежит в ногах у людей пятидесятирублёвая бумажка.⁶ Этакая зелёная дурочка, лежит себе, никто её не видит. Чудик даже задрожал от радости, глаза загорелись. Второпях, чтобы его не опередил кто-нибудь, стал быстро обрабатывать, как бы повеселее, поостроумнее сказать этим, в очереди, про бумажку.

— Хорошо живёте, граждане! — сказал он громко и весело.

На него оглянулись.

— У нас, например, такими бумажками не швыряются.⁷

Тут все немного поволновались. Это ведь не тройка,⁸ не пятерка⁹ — пятьдесят рублей, полмесяца работать надо. А хозяина бумажки — нет.

Решили положить бумажку на видное место на прилавке.

— Сейчас прибежит кто-нибудь, — сказала продавщица.

Чудик вышел из магазина в приятнейшем расположении духа.¹⁰

Всё думал, как это у него легко, весело получилось: «У нас, например, такими бумажками не швыряются!» Вдруг его точно жаром всего обдало:¹¹ он вспомнил, что точно такую бумажку и ещё двадцатипятирублевую ему дали в сберкассе дома. Двадцатипятирублевую он сейчас разменял, пятидесятирублевая должна быть в кармане. Сунулся в карман¹² — нету. Туда-сюда — нету.

— Моя была бумажка-то! — громко сказал Чудик. — Моя бумажка-то.

Под сердцем даже как-то зазвенело от горя. Первый порыв был пойти и сказать: «Граждане, моя бумажка-то. Я их две получил в сберкассе: одну двадцатипятирублевую, другую полусотельную.* Одну сейчас разменял, а другой — нету». Но только представил, как он огоршит¹³ всех этим своим заявлением, как подумают многие: «Конечно, раз хозяина не нашлось, он и решил прикарманить».¹⁴ Нет, не пересылить себя — не протянуть руку за этой проклятой бумажкой. Могут ещё и не отдать...

* полусотельная (наř.) = полусотенная

— Да почему же я такой есть-то? — вслух горько рассуждал Чудик. — Что теперь делать?..

Надо было возвращаться домой.

Ехал в автобусе и негромко ругался — набирался духу:¹⁵ предстояло объяснение с женой.

Сняли с книжки ещё пятьдесят рублей.

Чудик, убитый своим ничтожеством,¹⁶ которое ему опять разъяснила жена, ехал в поезде. Но постепенно горечь проходила. Мелькали за окном леса, перелески, деревеньки... Входили и выходили разные люди, рассказывались разные истории... Чудик тоже одну рассказывал какому-то интеллигентному! товарищу, когда стояли в тамбуре, курили.

— У нас в соседней деревне один дурак тоже... Схватил головешку¹⁷ — и за матерью. Пьяный. Она бежит от него и кричит: «Руки, — кричит, — руки-то не обожги, сынок!» О нём же и заботится... Представляете, каким надо быть грубым, бестактным...

— Сами придумали? — строго спросил интеллигентный товарищ, глядя на Чудика поверх очков.

— Зачем? — не понял тот. — У нас за рекой, деревня Раменское...

Интеллигентный товарищ отвернулся к окну и больше не говорил.

После поезда Чудика надо было ещё лететь местным самолётом полтора часа. Он когда-то летал разок. Давно. Садился в самолёт не без робости. «Неужели в нём за полтора часа ни один винтик не испортился?» — думал. Потом — ничего, осмелел. Попытался даже заговорить с соседом, но тот читал газету, и так ему было интересно, что там, в газете, что уж и послушать живого человека ему не хотелось. А Чудик

хотёл въяснить вот что: он слышал, что в самолётах дають поесть. А что-то не несли. Ему очень хотелось поесть в самолёте — ради любопытства.

«Зажигили»,¹⁸ — решил он.

Стал смотреть вниз. Горы облаков внизу. Чудик почему-то не мог определённо сказать: красиво это или нет? А кругом говорили: «Ах, какая красота!» Он только ощутил вдруг глупейшее желание: упасть в них, в облака, как в вату. Ещё он подумал: «Почему же я не удивляюсь? Ведь подо мной чуть не пять километров». Мысленно отмерил эти пять километров на земле, поставил их на попу,¹⁹ чтоб удивиться, и не удивился.

— Вот человек!.. Придумал же, — сказал он соседу.

Тот посмотрел на него, ничего не сказал, зашуршал опять газетой.

— Пристегнитесь ремнями! — сказала миловидная молодая женщина. — Идём на посадку.

Чудик послушно застегнул ремень. А сосед — ноль внимания.²⁰ Чудик осторожно тронул его.

— Велют ремень застегнуть.

— Ничего, — сказал сосед. Отложил газету, откинулся на спинку сиденья и сказал, словно вспоминая что-то: — Дети — цветы жизни, их надо сажать головками вниз.

— Как это? — не понял Чудик.

Читатель громко засмеялся и больше не стал говорить.

Быстро стали снижаться. Вот уже земля рукой подать,²¹ стремительно летит назад. А толчка всё нет. Как потом объясняли знающие люди, лёгчик «промазал». ²² Наконец толчок, и всех начинает так швырять, что слышался зубовой стук и скрежет.²³ Этот читатель с газетой сорвался с места,²⁴ боднул Чудика лысой голо-

вой²⁵, потом приложился к иллюминатору,²⁶ потом очутился на полу. За всё это время он не издал ни одного звука. И все вокруг тоже молчали — это поразило Чудика. Он тоже молчал. Стали. Первые, кто опомнился, глянули в иллюминаторы и обнаружили, что самолёт — на картофельном поле...

Страх схлынул,²⁷ и наиболее весёлые уже пробовали остричь.

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

— Эта?! — радостно воскликнул он и подал читателю.

У того даже лысина побагровела.

— Почему надо обязательно руками хватать! — закричал он шепеляво.

Чудик растерялся.

— А чем же?

Читатель удивлённо посмотрел на Чудика и перестал кричать.

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене: Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь. (Тчк.) Васятка.

Телеграфистка, строгая красивая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

— Составьте иначе. Вы — взрослый человек, не в детсаде.

— Почему? — спросил Чудик. — Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверное, подумали...

— В письмах можете писать что угодно, а телеграмма — это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал:

«Приземлились. Всё в порядке. Васятка».

Телеграфистка сама исправила два слова:

«Приземлились» и «Васятка». Стало. «Долетели», «Васильи».

— Приземлились... Вы что — космонавт, что ли?

— Ну ладно, — сказал Чудик. — Пусть так будет.

...Знал Чудик: есть у него брат Дмитрий, трое племянников... О том, что должна ещё быть сноха,²⁸ как-то не думалось. Он никогда не видел её. А именно она-то, сноха, всё испортила, весь отпуск. Она почему-то сразу невзлюбила²⁹ Чудика.

Выпили вечером с братом, и Чудик запел дрожащим голосом:

— Тополя-а-а, тополя-а-а...

Софья Ивановна, сноха, выглянула из другой комнаты, спросила зло:

— А можно не орать? Вы же не на вокзале, верно? И хлопнула дверью.

— Пойдём на улицу, — сказал Чудик.

Вышли на улицу, сели на крылечко.

Но тут с братом Дмитрием что-то случилось: он заплакал и стал колотить кулаком по колену.

— Вот она, моя жизнь! Видел? Сколько злости в человеке! Сколько злости!

— Ну чего вот невзлюбила?! За што? Ведь невзлюбила она тебя... А за што?

Тут только понял Чудик, что да, невзлюбила его сноха. А за что, действительно?

— Крышу-то перекрыл? — спросил старший брат негромко.

— Перекрыл. — Чудик тоже тихонько вздохнул. — Веранду подстроил — любо глядеть.³⁰ Выйдешь вечером на веранду... начинаешь фантазировать: вот бы мать с отцом были бы живые, ты бы с ребятами приехал — сидели бы все

на веранде, чай с малиной попивали. Малины нынче³¹ уродилось пропасть.³² Ты, Дмитрий, не ругайся с ней, а то она хуже невзлюбит.³³ А я как-нибудь поласковой буду, она, глядишь, отойдёт.³⁴

Когда Чудик утром проснулся, никого в квартире не было: брат Дмитрий ушёл на работу, сноха тоже, дети постарше играли во дворе, маленького отнесли в ясли.

Чудик прибрал постель, умылся и стал думать, что бы такое приятное сделать снохе. Тут на глаза ему попала детская коляска. «Эге, — подумал Чудик, — разрисую-ка я её». Он дома так разрисовал печь, что все дивились.³⁵ Нашёл ребячьи краски, кисточку и принялся за дело. Через час всё было кончено, коляску не узнать. По верху колясочки Чудик пустил³⁶ журавликов — стайку уголко́м, по низу — цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цыпляток... Осмотрел коляску со всех сторон — загляденье. Не колясочка, а игрушка. Представил, как будет приятно изумлена сноха, усмеялся.

— А ты говоришь — деревня. Чудачка. — Он хотел мира со снохой. — Ребёнок-то как в корзиночке будет.

Весь день Чудик ходил по городу, глазел³⁷ на витрины. Купил катер племяннику, хорошенький такой катерок, белый, с лампочкой. «Я его тоже разрисую», — думал.

Часов в шесть Чудик пришёл к брату. Взошёл на крыльцо и услышал, что брат Дмитрий ругается с женой. Впрочем, ругалась жена, а брат Дмитрий только повторял:

— Да ну что тут!.. Да ладно... Сонь... Ладно уж...

— Чтоб завтра же этого дурака не было здесь! — кричала Софья Ивановна. — Завтра же пусть уезжает.

— Да ладно тебе!.. Сонь...

— Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается — выкину его чемодан и всё!

Чудик поспешил сойти с крыльца... А дальше не знал, что делать. Опять ему стало больно. Когда его ненавидели, ему было очень больно. И страшно. Казалось: ну, теперь всё, зачем же жить? И хотелось уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются.

— Да почему же я такой есть-то? — горько шептал он, сидя в сарайчике. — Надо бы догадаться: не поймёт ведь она, не поймёт народного творчества.

Он досидел в сарайчике дотемна. И сердце всё болело. Потом пришёл брат Дмитрий. Не удивился — как будто знал, что брат Василий давно уже сидит в сарайчике.

— Вот... — сказал он. — Это... опять расшумелась.³⁸ Колясочку-то... не надо бы уж.

— Я думал, ей поглянется.³⁹ Поеду я, братка.⁴⁰

Брат Дмитрий вздохнул... И ничего не сказал.

Домой Чудик приехал, когда шёл... дождик. Чудик вышел из автобуса, снял новые ботинки, побежал по тёплой мокрой земле — в одной руке чемодан, в другой ботинки. Подпрыгивал и громко пел:

— Тополя-а, тополя-а...

...Звали его — Василий Егорыч Князев. Было ему тридцать девять лет от роду. Он работал кинемехаником в селе.

VYSVĚTLIVKY

- ¹ **влипáть** (*lid.*) — zamotat se
- ² **блесна́** — třpytka
- ³ **плёвое отноше́ние** (*lid.*) — opovržení
- ⁴ **прошвырну́ться** (*lid.*) — protáhnout kostru (*hov.*), projít se
- ⁵ **племя́ш** (*lid.*) — synovec *n.* neteř
- ⁶ **пятидесятирублёвая бума́жка** — padesátirublová bankovka
- ⁷ **швыря́ться** (деньга́ми) (*hov.*) — rozhazovat (peníze)
- ⁸ **тро́йка** (*hov.*) — třírublovka
- ⁹ **пяте́рка** (*hov.*) — pětirublovka
- ¹⁰ **в приятнейшем расположении́ ду́ха** (*kniž.*) — ve slastném rozpoložení
- ¹¹ **жа́ром всего́ обдало** — polil ho ledový pot
- ¹² **Су́нулся в карма́н** (*lid.*) — Strčil ruku do kapsy
- ¹³ **огоро́шить** (*hov.*) — omráčit
- ¹⁴ **прикарма́нить** (*lid.*) — přiživit se
- ¹⁵ **набира́ться ду́ху** — sbírat odvahu
- ¹⁶ **уби́тый своим ничто́жеством** — zdrcený svou nicotností
- ¹⁷ **голове́шка** — rozžhavený uhlík
- ¹⁸ **зажи́лить** (*lid.*) — šetřit
- ¹⁹ **поста́вить на по́па** — vertikálně vztyčit
- ²⁰ **ноль внима́ния** (*hov.*) — zde: nic (bez povšimnutí)
- ²¹ **руко́й пода́ть** — co by kamenem dohodit
- ²² **прома́зать** (*lid.*) — zde: šlápnout vedle, nestrefit se
- ²³ **послы́шался зубо́вный стук и скре́жет** (*kniž.*) — bylo slyšet skřípání zubů
- ²⁴ **сорва́лся с ме́ста** — vyletěl ze sedadla
- ²⁵ **бодну́ть... голово́й** — narazit... hlavou
- ²⁶ **приложи́лся к иллюмина́тору** — zde: odletěl k okénku

- 27 Страх схлынул — Vzpramatovali se
28 сноха — švagrová
29 невзлюбить (*lid.*) — nenávidět
30 любо глядѣть (*lid.*) — pěkně vypadat
31 нынче (*hov.*) — zde: letos
32 пропасть — spousta
33 хуже невзлюбить (*lid.*) — ještě víc nenávidět
34 глядишь, отойдѣт (*lid.*) — uvidíš, že ji to
прѣjde
35 дивиться (*lid.*) — žasnout
36 По верху... пустил (*hov.*) — Nahoře... namalo-
val
37 глазѣть (*lid.*) — civět
38 расшумѣться (*hov.*) — začít hádku
39 Я думал, ей поглянется (*нар.*) — Myslel jsem,
že se jí to bude líbit
40 братка (*нар.*) — bratr